

Часть 1
ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ

ГЛАВА 1

23:59

Полицейский автомобиль медленно пробирается сквозь заросли по узкой дорожке к участку. Вот и загородный дом, одиноко стоящий, проглядывающий сквозь неплотные сумерки июньской ночи. Простой деревянный дом, немного кривоватый, неправильных пропорций, он кажется выше, чем нужно. Белые уголки поблекли, красная краска на стенах южной стороны выгорела. Черепица заросла травой, крыша напоминает кожу доисторического животного. Ветер стих, похолодало, стекла запотели. Лишь окно верхнего этажа светится ярко-желтым светом.

А там, внизу, озеро, темное, тихое, у самой кромки воды растут березы. Баня, в которой мальчики мылись вместе с отцом летними вечерами, а затем осторожно спускались к воде, наступая на острые камни, балансируя вытянутыми руками, словно на распятии. «Хорошо!» — рычал отец, первым бросаюсь в воду, и его рык долго звенел над озером, а по-

том наступала тишина. Такая тишина бывает лишь в глуши, вдалеке от других людей, от этой тишины Бенжамину иногда становилось страшновато, а иногда казалось, что все вокруг слушает их.

Чуть дальше у самой воды стоит лодочный сарай, дерево потемнело, а вся конструкция накренилась к воде. Чуть выше — амбар, балки изъедены миллионами термитов, а цементный пол изгажен животными, приходившими сюда последние семьдесят лет. Между амбаром и домом небольшая площадка, где мальчики играли в футбол. Она неровная, так что тот, кто стоял спиной к озеру, все время был вынужден бегать вверх.

Таково место действия: несколько маленьких строений на полянке, сзади лес, впереди вода. Неприступный уголок, такой же глухой, как и раньше. Если отойти подальше и посмотреть в эту сторону, вообще не увидишь никаких следов человека. Изредка дети слышали приглушенные звуки работающего на низких оборотах двигателя — по грунтовой дороге на другом берегу озера проезжала машина, в сухие летние деньки замечали дымок, поднимающийся над лесом. Но они никогда никого не видели в этом уголке, который они почти не покидали и куда никто никогда не приезжал, они были совсем одни. Впрочем, однажды они видели охотника. Мальчики играли в лесу и внезапно наткнулись

на него. Седой мужчина в зеленом бесшумно проскользнул между деревьями метрах в двадцати от них. Поравнявшись с мальчиками, он равнодушно взглянул на них, приложил палец к губам и исчез в чаще леса. Они ничего о нем так и не узнали, как о мистическом метеорите, подобравшемся слишком близко к земле, но пролетевшем мимо. Мальчики никогда не говорили о нем, и Бенжамину даже иногда казалось, что этого и вовсе не было.

Солнце село два часа назад, полицейский автомобиль осторожно пробирается по дорожке. Водитель оглядывается, пытаясь разглядеть, какой след остается за ним, а потом перегибается через руль, пытаясь увидеть что-то наверху, но деревья заслоняют весь вид. Невероятной высоты ели поднимаются выше крыши дома. Еще когда мальчики были маленькими, ели уже были огромными, а уж теперь и подавно. Они тянутся вверх на тридцать-сорок метров. Отец всегда гордился местной растительностью, как будто в этом была его заслуга. Но сам он всего лишь бросал в землю семена редиса в начале июня, а через пару недель приводил детей на огород, чтобы посмотреть на показавшиеся из земли розоватые колобки. Сейчас вокруг дома почти ничего не растет, местами трава полностью вытоптана. Яблоня, которую папа подарил маме на день рождения, никуда не делась, вот только почти не

выросла и совсем не плодоносит. Кое-где почва тяжелая, черная, без камней, в других местах горные породы лежат очень близко, почти сразу же под травой. Отец устанавливал загон для кур и копал землю, иногда лопата мягко и легко входила в насытившуюся дождем траву, а иногда сразу же упиралась в камень, и отец вскрикивал, его руки дрожали, сражаясь с неподатливой землей.

Полицейский выходит из машины. Привычным движением приглушает рацию на плече, которая продолжает свое бесконечное щебетание. Он высокий. В темной форме кажется очень внушительным, по земле ступает тяжело.

Синие проблесковые маячки отражаются в высоких деревьях.

Сцена крайне живописная: синие горы над озером, синий свет полицейской мигалки.

Полицейский шагает к дому и останавливается. Нерешительно осматривается. На ступеньках, ведущих к дому, сидят трое мужчин. Они плачут и обнимаются. Все одеты в костюмы, на шеях галстуки. На траве перед ними урна с прахом. Он встречается глазами с одним из мужчин, тот встает. Двое других сидят, прижавшись друг к другу. Они в крови, сильно избиты, полицейский понимает, почему, кроме него, сюда едет «Скорая».

— Меня зовут Бенжамин. Это я вам звонил.

Полицейский шарит в карманах в поисках блокнота. Он еще не знает, что эту историю вряд ли можно записать на бумаге, не знает, что сейчас перед ним предстает финал длящейся уже много десятилетий истории о трех братьях, которые давным-давно сбежали отсюда, но были вынуждены вернуться. Все здесь так запутано, все переплетено. Сейчас происходит кое-что очень важное, но на самом деле все случилось давным-давно. Сидящие на ступеньках плачущие братья, их опухшие окровавленные лица — лишь последний круг на воде, оставленный тем, что произошло очень-очень давно.

ГЛАВА 2

Соревнование по плаванию

По вечерам Бенжамин с сачком и ведром стоял у воды чуть выше того места, где сидели мама и папа. Они следовали за вечерним солнцем, двигая стулья и стол, когда те попадали в тень. Медленно отодвигались от сумерек. Под столом сидела Молли, собачка, и с удивлением следила за тем, как исчезает ее тень, а потом брела за остальными вдоль кромки воды. Сейчас родители добрались до конечной станции; они наблюдали, как солнце опускается за верхушки деревьев на другом берегу озера. Они всегда сидели рядом, плечом к плечу, так, чтобы смотреть на воду. Белые пластиковые стулья утопали в высокой траве, маленький деревянный столик, на который они ставили стаканы с пивом, поблескивал на вечернем солнце. Разделочная доска с палкой салями, куском мортаделлы и редиской. На траве между ними — сумка-холодильник, в которой охлаждалась водка. Перед тем как глотнуть, папа каждый раз коротко выдыхал «Хей!», чо-

кался с воздухом и выпивал. Папа начал резать колбасу, столик зашатался, пиво расплескалось, легкое раздражение появилось на мамином лице — поморщившись, она приподняла стакан и подождала, пока он закончит. Папа ничего не заметил, не то что Бенжамин. Он видел все малейшие перемены, всегда стоял чуть поодаль, чтобы они могли посидеть спокойно, но все-таки так, чтобы слышать каждое их слово, контролировать атмосферу и настроение. Он слышал их обычное бурчание, слышал, как стучит по тарелке вилка, как зажигается сигарета, слышал их смех, значит, все в порядке.

Бенжамин брел по берегу, сжимая в руке сачок. Он проводил им по воде, и иногда ему удавалось взглянуть прямо в отражение солнца, от этого в глазах появлялись темные пятна. Он балансировал на больших камнях, искал на дне головастика, удивительных животных, черных, неуклюжих, похожих на плавучие запятыя. Он поднял парочку за хвост и сразу же опустил в красное ведерко. Так было заведено. Он собирал головастика, пока родители были рядом, а потом, когда солнце садилось и они уходили в дом, отпускал головастика в озеро и тоже спешил за ними. Так продолжалось каждый вечер. Однажды он забыл головастика в ведре. На следующий день все они были мертвы, засохли на солнце. Он испугался, что об этом узнает отец,

и выбросил ведро в озеро. Бенжамин знал, что папа был в доме, но его взгляд, казалось, буравил шею мальчика.

— Мама!

Бенжамин оглянулся и увидел, как по лестнице от дома спускается его младший брат. Даже отсюда было заметно, что он рассержен. Но загородный дом — не место для таких эмоций. Особенно этим летом — они приехали сюда на неделю раньше, чем обычно, и родители запретили им смотреть телевизор все каникулы. Сообщили об этом в торжественной обстановке, и Пьер расстроился сильнее других, когда папа выключил телевизор из розетки и положил шнур сверху на аппарат. Он свисал оттуда, словно с виселицы, как напоминание всем членам семьи о том, что происходит с техникой, которая не дает семье проводить лето на улице.

У Пьера были журналы комиксов, которые он медленно, спотыкаясь на длинных словах, читал вслух себе под нос, лежа на животе на траве. Но в конце концов ему надоедало, и он спускался к родителям. Бенжамин знал, что мама с папой могут отреагировать по-разному. Иногда можно было забраться к маме на руки, и она сидела, поглаживая сына по спине. А иногда появление сына раздражало ее, и волшебное время исчезало навсегда.

— Мне нечего делать, — сказал Пьер.

— Может, поможешь Бенжамину ловить головастиков? — предложила мама.

— Нет, — ответил он. Он остановился возле маминого стула, шурясь от низкого солнца.

— А Нильс? Может, вы вместе что-нибудь придумаете? — сказала мама.

— Что? — спросил Пьер.

Молчание. Они, мама и папа, сидели, словно обессиленные, словно утонувшие в пластмассовых стульях, пришибленные алкоголем. Они смотрели на озеро. Казалось, они думают, придумывают какие-нибудь развлечения, но вслух они ничего не говорили.

— Хей! — крикнул отец, опрокинул стопку, улыбнулся и трижды хлопнул в ладоши. — Так, — закричал он. — Всем мальчикам через две минуты быть здесь в плавках!

Бенжамин взглянул на него, отошел на несколько шагов от кромки воды и бросил сачок в траву.

— Мальчики! — крикнул отец. — Общий сбор!

Нильс лежал в гамаке, натянутом между двумя березами возле дома, и слушал музыку. Бенжамин старался прислушиваться к звучанию семьи, Нильс же старательно его избегал. Бенжамин всегда держался поближе к родителям, Нильс же отдалялся, как только мог. Он всегда находился не там, где все,